

Г. ЗАМЧАЛОВ

ПРЯСИНА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1930

18859

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСИЗНА

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

Г. ЗАХАРОВ

Секция 24
Писатель 428
- 24

3-266

Т Р Я С И Н А

Обложка и рисунки
П. ПАСТУХОВА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

6

2267 ГТ

18859.

1967-88 г.

Типография Издат. „Молодая
Гвардия“, Ленинград, В. О.,
лин., 28 Зак. Изд. № 3589 Ред.
лин 740. Главлит № А-53445.
Печ. л. 2/4. Тираж 15.000 экз.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

На этот раз я себе три удочки сделал.
Федька с одной пришел, Серега — с двумя,
а у меня — целых три.

Федьке завидно стало.

— Откуда у тебя столько?

Я говорю:

— Мне дядя Петька целый хвост отдал,
вот я и навил лесок. А крючки у меня были.

А мне дядя Петька никакого хвоста и не давал вовсе. Мы как-то поехали с лошадьми в ночное. Я утром встал, когда все мальчишки спали еще, и надергал у лошадей. Немножко у дядиной, понемножку у других — вышел большой пучок, мне на пять лесок хватило.

Вышли мы рано. У нас в Медведице вода холодная. Рыба за ночь намерзнется в ней, а утром, чуть солнышко станет всходить, она вся — наверх, греться. Вот тут ее и ловить надо:

дуром клюет, только закидывать поспевай. Должно быть, от тепла она глупей делается.

Федька дорогой подлаживаться ко мне стал:

— Гришка, у тебя ведро маленькое. Хочешь, лови и в свое и в мое.

— А ты куда?

— Я себе снизку сделаю. У меня и веревочка есть. Все равно ведь у меня только одна удочка. Чего я с ней наловлю?

— погоди еще; может, и класть нечего будет. С порожними, может, вернемся.

— А если хорошо будет клевать, тогда возьмешь?

— Ну, ладно, возьму.

— Вот. А мне за это рыбки дашь?

В лесу было еще совсем темно. Мы хоть и привыкли ходить так, а все-таки в темноте боялись немножко. А тут еще Серега со страху, что ли, про разбойников начал рассказывать. Про какого-то гайдамака Кармелюка, будто он бедным денег давал и помогал им, а с богатых шкуру живьем сдирал.

Рассказывал-рассказывал и вдруг остановился. Мы тоже стали.

— Что такое?

— Тише вы! Тут шевелится кто-то.

Мы прислушались—правда, что-то шевельнулось. Потом прыгнуло и побежало по лесу.

Мне стало холодно, аж зубы застучали друг о дружку.

Сергеа бросил про своего гайдамака рассказывать. Федька взял меня за руку, и мы пошли совсем тихо, даже шагов своих не слышали.

Идем рядышком, плечо к плечу, и как будто если кто скажет хоть одно слово, то сейчас нам всем капут.

Сбоку от нас посветлело. Мы свернули туда. Думали—это уж Медведица, а оказалась полянка. Федька, как только вышел на нее, уселся с краю под деревом, крикнул и сказал, как большой:

— Эх, теперь бы табачку закурить!

Мы накинулись на него:

— Тоже еще: курить.

— Сперва научись, а потом болтай.

— Сам от земли не отрос, а сам...

Как только мы заговорили, так и страх весь прошел. Я хотел даже песню заиграть.

Но тут на полянке кто-то заржал. Лошадь какая-то. Тихонько так, в роде хозяина своего узнала. Мы оглянулись — никакой лошади не видно. Немного погодя опять заржала, и опять оттуда, с полянки. Слышно, что вот тут где-то близко, а где — не видно.

Федька поднялся и зашептал:

— А может, это нас леший, а?

Сергея его на смех поднял:

— Эх, ты! Скажешь тоже. А еще курить собирался. Сам-то ты леший.

Я сказал чтобы они меня подождали, и побежал посмотреть. Пробежал шагов пять и увяз по колена. Да еще упал и руками тоже завяз. Насилу-насилу выкарабкался. Вылез весь грязный, в тине. Сергей с Федькой смеяться начали, а Федька признался:

— А я знал, что тут трясина. Я нарочно не сказал.

У меня на руке был комок грязи. Я размахнулся и этой грязью как шлепну в него.

— Шиш ты у меня получишь теперь рыбки.

— Уж и посмеяться нельзя.

— А кабы я утоп, тогда что?

Тут опять заржала лошадь. Серега вскочил на ноги.

— Вон она! Смотрите: утопла. Почти всю засосало.

На другой стороне, недалеко от берега, и правда, была лошадь. Не знаю, как мы раньше ее не заметили — ведь уж совсем почти рассветало. Весь зад ее, до холки, увяз, наверху были только шея, голова и передние ноги до колен.

Мы кинулись на ту сторону. Лошадь, когда мы подбежали, повернула к нам голову. Вся шея, морда и даже уши у нее были выпачканы грязью. Грива тоже была окунута, только у самой шеи, откуда растут волосы, шла светлая полоска.

— Наверно, пить хотела, вот и залезла, — сказал Федька.

— Ну да, пить.

Я стал насвистывать, как когда лошадей поят, потом поманил;

— Тпр-се, тпр-се...

Лошадь рванулась, высвободила передние ноги, даже вся повернулась к нам, но ее сейчас же назад втянуло.

— Не вылезет, наверно, из сил она выбилась.

— Когда гуща такая, конечно, не вылезет.

Лошадь отдохнула немножко и опять заметалась. Под ней что-то хлюпало, как в квашне.

Я увидел, что у нее прыгает губа, а глаза выворочены на нас: чего же вы, мол, стоите, не помогаете?

— Да что же мы? Ведь сдыхает она...

Я бросил свои удочки, банку с червями и ведро. Ребята тоже побросали. Федька засучил рукава и спрашивает:

— Ну, чего делать, рассказывайте?

А мы с Серегой и сами не знаем. Самим лезть в трясину—все равно не поможешь. А больше у нас ничего нет.

— Надо в село бежать, мужиков звать.

— Не успеешь, задохнется она.

— Эх, ты, топора нет! Нарубить бы сучков побольше и побросать ей, вот бы ей и упор был.

— Давайте хоть сухих насбираем; может, вылезет как-нибудь!

Федька для начала хотел оборвать со всех удочек лески, а удилица пока бросить к лошади. Мы не дали ему: какая от них польза, когда они, как соломины, тоненькие?

Пошли собирать валежник. Но его было мало, да все гнилой, трухлявый. Лошадь подмяла его под себя и как-будто еще глубже потонула.

Я залез на дерево, сломал штук пять тоненьких сучков и прямо с листьями бросил ей. Она даже не поглядела на них: видно, совсем замучилась.

— Глядите, глаза закрыла!—крикнул Серега.

— Сдыхает, должно быть.

— Что же теперь, а?

Тут кто-то вспомнил:

— Лесника надо позвать, он близко.

Я, сломя голову, бросился к леснику. Он жил за большой дорогой, недалеко от сломанной осины. Бежать надо было все время лесом. Я не смотрел, что босиком, и летел напрямик изо всех сил. Один раз меня так полоснуло по лицу веткой, что я думал—глаза вырвало. В другом месте наскочил на пенек и расшиб палец на ноге.

У большой дороги у меня загорелось сердце, и я остановился передохнуть. Остановился, слышу—идет кто-то. Выбежал на дорогу—поп. Я подбежал к нему и слово не могу выговорить: запыхался очень и за лошадь страшно, что сдохнет.

— Дяденька... поп... батюшка...

— Что, милый? Да ты не волнуйся. Что ты? Господь с тобой?

— Нет, лошадь... Завязла она, сдыхает...

— Какая лошадь? Где? Да говори ты толком, ну! Я вот тоже ищу свою. Спутал недалеко вот тут, а теперь никак не найду.

— Вот там, у Медведицы.

— У Медведицы? Нет, это не моя, наверно. Моя не пойдет туда, далеко очень.

— А может, распуталась.

— Разве что распуталась. Ну-ка, пойдем скорей.

Я побежал назад. Он подхватил руками этот свой... как уж он называется... как сарафан бабий—и пошел за мной.

Прошли немного, он спрашивает:

— Какой она масти, лошадь-то?

— Темная. Должно быть, каряя.

— Как—каряя? Моя буланая...

И остановился. Я тороплю его:

— Скорее, а то задохнется.

А он стоит и расспрашивает:

— Ты хоть гриву-то разглядел как следует?

— Разглядел.

— Ну, какая она?

— Черная, а возле шеи белая немножко.

— Нет, это не моя. Слушай, ты вот что: сбегай лучше в село и скажи мужикам. Они живо вытащат. А я пойду свою искать.

Я схватил его за полу и не пускаю.

— Батюшка, не надо, не уходи. Ведь она сдохнет, пока в село сбегаешь.

— Не сдохнет. Бог не допустит, чтобы она сдохла.

— Да-а, не допустит. Ее уж и так по горло втянуло. А про бога я знаю: его и нет вовсе, нам Петр Антоныч говорил.

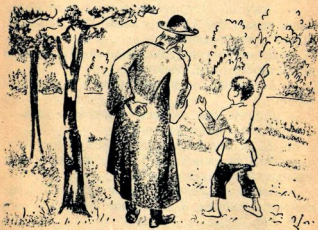
Он затряс своими космами.

— Ах, ты, паршивец! Да разве можно так про бога? Да я тебе сейчас... Ты чей? Кто у тебя мать?

Я крикнул ему прямо в лицо:

— Пошел ты вон, дурак косматый!—и опять изо всех сил побежал к леснику.

У него никакого двора не было. Прямо в лесу избашка, и возле нее собака бегала. Здоровенная, серая, на волка похожа.

Увидала меня—ошетибилась, бухнула раза два. Я не испугался ее и забежал на крыльцо. Только хотел дверь открыть, она меня сзади лапами сгребла и стащила вниз. Я упал, она надо мной встала и рычит. А кусать—не кусает.

Тут выбежала баба, должно быть, лесникова хозяйка.

— Полкан, Полкан! Ах, окаянный, загрыз парнишку, начисто загрыз.

В руках у нее чугунок был. Она подбежала и чугуном этим собаку по спине. Потом помогла мне встать.

— Икусал? Погрыз? Что же ты, ай не видишь, какой он? Он не только что человека, быка—и то повалит.

— Да нет, не покусал он меня. Ты скорей дядю твоего зови, лесника.

— А его нет, он в село уехал. На что он тебе?

— Лошадь там утопла, вытаскивать надо.

— Какая лошадь-то, чья?

— Да не знаю я. Может, ваша.

— Нет, на нашей сам уехал. Что же теперь делать? Надо в село бежать.

— Какое там село! Она уже сдыхает. Сейчас надо—скорей. У вас топор есть?

— Есть.

— А веревка толстая?

— Вережки нет, есть вожжи старые.

— Давай скорей, я вам принесу потом.

— А ты не потеряешь? Сам-то мне тогда...

— Не бойся, не потеряю. Да скорей ты, тетка вот какая!..

Она зашла в избу и пробыла там, может, и недолго, а мне показалось — полдня целых.

Вышла—я у нее выхватил из рук топор с веревкой, чуть с ног ее не сшиб—и бежать. Собака кинулась было за мной, баба на нее прикрикнула, и она отстала.

Лошадь, когда я прибежал, была все на том же месте. Глубже ее, правда, не затянуло—должно быть, уж до дна дошла—но и вперед она нисколько не подалась.

Сереге с Федькой накидали кругом нее много валежнику, а она даже и не пробовала вылезать: положила голову на кучу сухих прутьев и стоит, не шевелится. Я как увидал ее такой, так у меня и руки опустились.

— Что, сдохла?

— Нет, видишь—глазами моргает.

— Силы у нее нет нисколько.

Недалеко от поляны липа стояла. Листья у нее большущие были, как заслонки. У нас ими в поле воду в ведре покрывают. Если нарубить больших сучков с такими листьями, то по ним ходить на чистой воде можно—все равно выдержат. И еще мягкая она очень, липа. Рубить ее ничего не стоит.

Мы с Серегой забрались на нее. Федька нам подал топор, и мы взялись за дело. Я порублю немножко, устану—Сереге начнет. Федька снизу кричит нам.

— Довольно уж, хватит!

А мы, знай свое, рубим. Нарубили целую кучу и слезать стали.

В это время в лесу кто-то засвистал, потом закричал:

— Маш-маш-маш! Машка, Машка!

Лошадь подняла голову, наострила уши и опять, как давеча, когда увидала нас, заржала. Федька побежал на крик: догадался, что это — хозяин, наверно. Серега спрыгнул и побежал за ним, а я остался на дереве ждать, что будет.

Немного погода забубнили голоса. Я узнал Федькин и Серегин. Они говорили оба вместе, перебивали друг дружку. Им отвечал мужичий, тоже будто знакомый, а чей — не поймешь. Слышно было, что ребята ему что-то доказывают, а он не соглашается.

Потом сразу, как-будто отворили дверь, стало слышно все, что говорят.

— Некогда мне, детки, — упирался мужичий голос. — На мельницу я собрался. И так все утро у меня пропало.

Ребята насакивали на него:

— Да ты посмотри сперва. Может, это еще твоя.

— А хоть и не твоя лошадь, так все равно помоги.

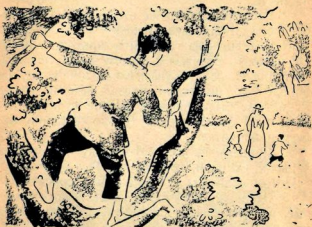
— Ну, какой я помощник! Больной я, детки, спина у меня не годится. Мне тяжелого-то во все ничего нельзя делать.

Они вышли из-за дерева и очутились почти подо мной. Я посмотрел вниз, вижу: с одной

стороны Федька идет, с другой—Сергея, а посредине—рыжая шляпа. Из-под нее торчит кусок бороды.

Когда они прошли, я слез с дерева.

Поп вышел на поляну и посмотрел на лошадь.

— Ну, конечно, не моя. Моя буланая, а эта—и не разберешь, какой масти. Я же говорил, что не моя.

Лошадь смотрела на него во все глаза и будто ждала чего-то. Грязные уши ее стояли торчком. Только он успел сказать, что это не

его лошадь, она в ответ ему тихонько заржала так, как ржут лошади, когда им овса дают.

И тут все—и я, и ребята, и сам поп—поняли, что это его кобыла. Поп аж подпрыгнул на месте.

— Господи, да что же это такое?! Она, ей-богу, она... Машенька, Маша!

Кобыла мотнула головой и дернулась к нему. Он зачем-то побежал к самому краю трясины, наступил на полу и упал. Когда он встал, на бороде его шматками висела зеленая грязь. Руки тоже были грязные. Шляпа с него слетела, а он ее не поднял. Только бегал по берегу и причитал:

— Пропала, пропала. Что буду делать без лошади? Господи, господи...

Потом подбежал к нам и начал просить:

— Деточки, ребяташки, уж вы помогите, милые. Может, спасем как-нибудь. Я уж вам на орешки...

Я нарочно сказал:

— Что, не хотел итти, когда звали? Теперь вот сам вытаскивай.

Он чуть не заплакал.

— Родной мой, прости ты меня, дурака старого. Кабы не дурак, разве бы я не пошел? Уж вы не серчайте. А то как же я один-то? Пропадет ведь она.

Я хотел ему сказать:

„А бог-то? Ты говорил: он не допустит?“

Да уж не стал. Лошадь тут заметалась, и мне жалко ее стало. Поп бросился к ней и стал увещать:

— Машенька, сейчас, родная, постой минуточку, сейчас мы тебе поможем.

Мы с Серегой выбрали самые толстые и длинные сучки, сложили их в ряд и кое-как наскоро переплели ветками. Получилось в роде мостика. Снизу мы до самой лошади густо накидали веток с листьями, на них поперек наклали сучков потолще, а сверху положили этот мостик. Вышло—лучше не надо: троих нас выдержало. Мы даже подпрыгивали, и то ничего.

Только вот беда: мостик оказался короткий. Надо было еще столько, а у нас толстые сучки кончились.

А тут поп еще. Мы думали—он помогать будет, а он только мешал. Лезет все время, хватается руками, путает все и упрасивает:

— Постарайтесь, ребяташки, потуже связывайте, тяжелая ведь она. Я уж вам по рублю всем, по целковому выдам.

Мостик положили—он первый на него забрался и опять запричитал над лошадыю. Серега не вытерпел и шуганул его:

— Уйди ты отсюда. Чего под ногами треплешься? Стань вон там со спиной своей и стой. Вытащим—тогда будешь разговаривать.

Он отошел к сторонке и больше не мешал нам.

Я слазил на дерево, нарубил еще толстых сучков, и мы сделали другой мостик еще лучше. И никаких веревок не понадобилось, зря только я вожжи тащил. Второго мостика хватило как раз до лошади. Мы, когда клали его, чуть за морду ей не задели. Серега так обрадовался, что подбежал к ней, погладил ее по храпу и тоже, как поп, стал разговаривать:

— Вот, видала? Сейчас, брат, вылезешь. Смотри, как крепко.

И запрыгал на краю. Мостик покачнулся, и он чуть сам не свалился в грязь. Только уж так, для виду, что, мол, не испугался, стал он будто показывать лошади:

— Ноги подыметь, и вот сюда их. Понятно? Потом задние так же.

Когда все было готово, мы пустили на мостки одного попа. Он достал из кармана кусок сахара и стал манить кобылу:

— Маша, Маша, на. Сахарку вот на, Машенька, на.

Лошадь только ушами повела, а сама даже не пошевелилась. Он ее и так, и этак, и насвистывал ей, и кричал на нее—никак не идет. А подойти ближе, надеть узду боится. Я взял у него и сам надел. Он ухватился за самый кончик поводка и начал тянуть.

— Иди, родная, иди. Холодно ведь тебе там. Не бойся, иди.

Федька на берегу вдруг покатился со смеху.

Я спрашиваю:

— Ты чего?

— Наш тятка, когда напьется пьяный — мамка при людях вот так же зовет его: „Иди, родной, иди“. А домой придет — по щекам его.

Поп все показывал лошади кусок сахару и потягивал за кончик повода.

— Иди, дурочка. Что же ты? То сама кидалась, а то не идешь.

Я подбежал и вырвал у него повод.

— Уходи-ка отсюда. Сейчас она у меня пойдет, и уговаривать не надо. Серега, Федька, заходите по берегу с боков. Когда я потяну, кричите сильнее и кидайте в нее чем-нибудь.

Они взяли в руки по сучку и стали с боков. Я уперся ногами крепче, дернул и заорал:

— Но, но, ты, чорт!

Два сучка ударились возле самой кобылы; ребята тоже закричали. По лесу загромыхало:

— И-чо-то-ва, гав-гав!

Лошадь испугалась и кинулась ко мне...

Но тут что-то случилось. Меня будто подкинуло снизу. Под носом у меня мелькнула грязная морда кобылы, и я очутился в холодной гуще. Дальше за меня все делали руки и ноги: сам я с перепугу ничего не соображал.

Руки уперлись во что-то твердое и гладкое пошарили, ухватились за пучок травы или волос, а может, и за корягу какую, и перевернули меня. Ноги подтянулись к ним и обхватили толстое и круглое. Обхватили и съехали: толстое было очень скользкое. Тогда руки перехватили подальше, за выступы небольшие, и подтянули меня выше. На этот раз круглое очутилось подо мной. Ноги крепко обхватили его и посадили меня как-будто верхом. Я открыл рот и стал дышать.

В рот мне заползла жижица. Я выплюнул ее — она опять ползет. Я схватился руками за лицо, за голову — кругом эта жижица проклятая. Спереди от меня Серега закричал:

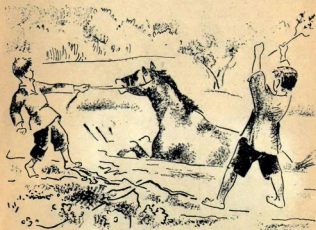
— Гришка, смотри, глаз не открывай, а то ослепнешь!

Я подождал немного, потом взял ладонями со всей головы и с лица обжал грязь и хотел уже открыть глаза. Вдруг толстое и круглое, что было подо мной, зашаталось и двинулось вперед. Я лег на него грудью и обхватил руками и ногами так крепко, что мне даже больно стало.

Оно поднялось вверх совсем прямо, потом опустилось, опять поднялось, мотнуло меня в одну сторону, в другую и начало сильно бить от себя. Потом так швырнуло, что я отцепился от него и обо что-то ударился еще сильнее, боком...

Когда я открыл глаза, надо мной стояли Серега с Федькой и травой вытирали с меня грязь. Федька увидал, что я глаза открыл, спрашивает:

— Ну, что, Гришка?

— Ничего.

— А я думал—ты убился.

— Кобыла там еще, в трясине?

— А вон она, погляди-ка.

Я поднялся, смотрю — она на берегу стоит. Черная вся, и грязь с нее течет. Рядом с ней

поп. Одной рукой за шею ее обхватил, а другой сахар в нос сует.

Сергеа рассказал, как она вылезла:

— Ты на нее залез когда, она стала совсем тонуть. Грязь уж подзебры ей дошла. Ну, а подыхать-то, думаешь, охота ей? Она и давай кидаться. Раза два оборвалась, ну, потом все-таки вылезла по мостикам.

Мы собрали свои удочки, банки с червями и ведра.

— Теперь что будем делать?

— Что? Удить пойдем.

— Поздно уже.

— Ничего, может, успеем еще.

— Гришка, а как же ты пойдешь такой? Погляди—ты весь в грязище.

— Ну, что же, я вымоюсь там. А домой так все равно нельзя: мамка ругаться будет.

Федька вызвался отнести леснику топор и вожжи. Мы с Сергеем захватили его удочку и пошли на Медведицу. Отошли немного, слышим—поп кричит:

— Постойте, постойте!

Сергеа говорит:

— Наверно, заплатить хочет. Он ведь по рублю сулил, помнишь?

— Как же, заплатит он тебе, жди побольше.

Поп подбежал, космы растрепаны, на бороде все еще сосульки, глаза выпучены.

— Шляпа, где моя шляпа? Куда вы ее задевали?

Мы подхватили животы—и давай хохотать.

— Что вы смеетесь? Я вас про шляпу спрашиваю.

Я сквозь смех насилу выговорил:

— В трясине она, утопла... Помолись богу—может, спасет.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Асеев Н. — Сенька беспризорный.

С рис. 32 стр. Ц. 15 коп.

Богданов Н. — Семь бед. Рассказ.

48 стр. Ц. 30 коп.

Богданов Н. — Осинное гнездо.

48 стр. Ц. 25 коп.

Викторов Р. — История одного знамени.

С 13 рис. 75 стр. Ц. 65 коп.

Генкин М. — Веселые пионеры.

С рис. 24 стр. Ц. 20 коп.

Дуров В. — Мои звери. — Звери дедушки Дурова.

270 стр. Ц. 2 руб.

Каманин Ф. — Ванька Огнев и его собака Партизан.

72 стр. Ц. 45 коп.

Немирова. — Медвяной дом.

55 стр. Ц. 65 коп.

Соколов. — Сенька-большевик.

60 стр. Ц. 65 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Центр, Новая площадь, д. № 6,

Издательству „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ или его отделениям.

Видишь ли ты
пропаганду
? Десять лет
Бориса

17523

НА ЗЕМ
НЕ ПИВА...

Цена 15 коп.

РИСУНКИ
П. ПАСТУХОВА